

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ РАЗМЕННОЙ СЕРЕБРЯНОЙ МОНЕТЫ 1859–1867 ГОДОВ

А. В. Бугров,

кандидат исторических наук,

начальник отдела Департамента международного сотрудничества и общественных коммуникаций Банка России; e-mail: bav4@mail.cbr.ru

В статье с привлечением архивных источников рассматриваются причины появления в России биллонной монеты в 1860-е гг., анализируются ход событий и их последствия для денежного обращения.

This article analyses the introduction of billon coins in the Russia in the 1860s, using data from archival documents.

Ключевые слова: биллонная монета; разменная монета; денежное обращение; денежная система; Министерство финансов.

Key words: billon coin; coin change; money circulation; system of money; Ministry of finance.

УДК 336.74.737.1

Царские биллонные монеты¹ в 5, 10, 15 и 20 копеек, отчеканенные во второй половине XIX и в начале XX в., – популярная тема собирательства отечественных коллекционеров. Они остаются относительно доступными по цене и в то же время являются прекрасными историческими артефактами, подлинными свидетелями истории.

История русского биллона, насколько известно, не привлекла внимания корифеев отечественной нумизматики дореволюционного и советского времени (П. П. фон Винклера, И. Г. Спасского, В. В. Узденникова). Она, по-видимому, считалась абсолютно ясной с точки зрения причинно-следственных связей и фактологии принятия указов. Тем не менее, опираясь на архивные находки, постараемся взглянуть на это явление через призму малоизвестных фактов. В Российском государственном историческом архиве сохранились дела Департамента экономики государственного совета, связанные с обсуждением введения в стране новой разменной монеты [1; 2].

Известно, что 28 ноября 1859 г., в разгар начавшихся преобразований кредитно-финансовой системы страны, министр финансов Александр Максимович Княжевич направил государственному секретарю Владимиру Петровичу Буткову доклад, в котором обосновывал необходимость изменений в российской денежной системе [1; 3, с. 37–39]. Он был составлен через полтора года после печально известного заключения Комитета финансов о приостановке размена кредитных билетов на серебряную монету, одобренного императором Александром II 16 мая 1858 г. Это решение стало своего рода финансовым итогом неудачной Крымской войны, обошедшейся стране в громадную по тем временам сумму более полумиллиона рублей [4, с. 575; 5, с. 191].

Доклад был подготовлен на материалах Особой комиссии, на протяжении 1859 г. обсуждавшей вопрос об изменениях в денежной системе [3, с. 7–12, 16–27, 30–31, 36]. Министр сетовал на недостаток разменной монеты, который связывал как с вывозом ее за рубеж, так и с переплавкой в изделия. Коммерческая цена серебра стала выше таковой в монете². То там, то здесь наблюдались случаи переплавки монетного серебра. Известно, что в 1857 г. московских серебряных дел мастер Петров был уличен в тайной сплавке серебряной монеты более чем на 8000 серебряных рублей – и это в течение только декабря [6]. В соседних Костромской и Ярославской губерниях подобный промысел также процветал: почти все мастерские изготавливали изделия на продажу из монетного серебра. Нередко предметы в большом количестве изготавливались для кяхтинской меновой торговли (с Китаем). При этом законы Российской империи не запрещали такую деятельность.

По мнению многих крупных чиновников, заседавших в Государственном совете – высшем совещательном органе империи (включая брата царя великого князя Константина Николаевича), главная причина исчезновения мелкого серебра заключалась в его вывозе за пределы страны. Это же касалось и монет крупных номиналов³. Как писал Княжевич, «воспрепятствовать ввозу монеты мерами полицейскими или таможенными невозможно: меры сии всегда и везде оказывались безуспешными, коль скоро торговая цена драгоценного металла, как сие существует ныне в империи, выше цены оногo в монете. Удобнейший к достижению означенной цели способ заключается

² По рыночной цене серебряного лома в 1860 г. рубль оценивался в 105,5 копейки.

³ Согласно Княжевичу, к 1860 г. ежегодно из России на заграничные платежи вывозилось золота и серебра до 50,6 млн руб., в то время как в Сибири и на Урале добывали «желтого» и «белого» металла в среднем на 23 млн руб. в год.

¹ Биллонная монета (фр. *billon*) – монета, содержание чистого серебра в которой не превышает 50%.

в ограничении выгод, приобретаемых как от вывоза, так и от переплавки монеты вообще» [7].

Лучшим способом решения проблемы было понизить пробу разменной серебряной монеты, чтобы в том числе «увеличить разность между пробами, установленными для монеты и для изделий из серебра» [8] и понизить ценность такой монеты. Министр опирался на исторический опыт. Известно, что бытовавшая к тому времени 868-я проба для чеканки монет была введена лишь манифестом 20 января 1797 г. [9, с. 298], а до этого (с 1762 г.) серебряная монета чеканилась из 750-й пробы (72-й золотниковой)¹.

Княжевич считал, что 868-я проба неудобна: она близко подходила к главной тогда пробе серебряных изделий (875-й, или 84-й золотниковой) и таким образом была удобна для переплавки в изделия [10]. Напротив, 719-я (69-я золотниковая) и 750-я (72-я золотниковая) пробы более удобны. Это было признано еще Особой комиссией, в начале 1859 г. обсуждавшей возможные изменения в российской денежной системе. С одной стороны, такие значения проб подходили к естественному сплаву серебра с медью (а медь была лигатурой серебряных российских монет). При переплавке серебра 72-й пробы белый металл было значительно сложнее привести в 84-ю пробу (чем в пробу $83\frac{1}{3}$). С другой стороны, «цифра 72 составляет ровную часть фунта, так что металл и монета сей пробы содержит ровно $\frac{3}{4}$ чистого серебра и $\frac{1}{4}$ – лигатуры» [11]. И кроме того, «72-я проба мало подвергается вредному действию ликвации, или разъединению двух металлов при переходе их после сплава из жидкого состояния в твердое, а потому при этой пробе монетные полосы во всех их частях будут выходить одинаковой пробы» [12].

По мнению министра, крупную серебряную, или *банковую*, монету (25 коп., полтину и рубль) следовало оставить в прежней полной ценности и лишь увеличить лигатурный вес крупных серебряных монет (в связи с изменением пробы). Что касалось разменной, или «дополточной», монеты, то в финансовом отношении она не имела «никакой важности», не употреблялась для крупных платежей и требовалась только внутри государства для мелких оборотов. Поэтому он считал возможным понизить ее фактическую ценность. Княжевич приводил в пример Великобританию, где вся серебряная монета считалась разменной и имела ценность почти на 10% ниже нарицательной цены [13].

Понижение ценности российской разменной серебряной монеты почти на 15% в период непростого финансового положения страны позволило бы покрыть расходы на ее чеканку – в условиях, когда затраты на чеканку разменной монеты были выше, чем серебряных рублей. Тогда, по Княжевичу, в монетном деле уже можно было обойтись российским серебром (которого добывалось до 1000 пудов² в год), а не покупать его для чеканки за границей.

¹ Тем не менее к 1810 г. в народе обращалась в основном разменная монета 750-й пробы. Лишь в 1813 г., в период массовой перечеканки разменной монеты, для нее окончательно была введена 868-я проба (главным образом для удобства чеканки одновременно крупной и разменной серебряной монеты).

² 16,38 т.

Доклад Княжевича был рассмотрен в Департаменте государственной экономии Государственного совета; замечания министру были сообщены в конце 1859 г. Председатель департамента граф Александр Дмитриевич Гурьев скептически отнесся к изменениям в денежной системе. К его мнению присоединились директор Департамента государственной экономии Петр Казимирович Мейендорф и бывший министр финансов Петр Федорович Брок. Они считали, что предложенные меры не насытят рынок мелким серебром, одновременно настаивая на сохранении пробы банковской монеты. Мейендорф предлагал выпустить новую разменную монету ограниченной партией в 3 млн руб. – что вызвало возражение министра, считавшего, что такое мизерное количество не удовлетворит требованиям и ее требуется на порядок больше [14].

В итоге Департамент согласился на выпуск новой разменной монеты 750-й пробы, ограниченной к приему по сделкам и платежам суммой один рубль. Желая прекратить дальнейшую полемику, Княжевич обратился лично к императору Александру II. В письме к государственному секретарю от 16 февраля 1860 г. он писал: «Государь император, заметя из представленных Его Величеству сведений чрезвычайный расход мелкой серебряной монеты, повелеть изволил передать Вашему Превосходительству высочайшую волю, чтобы представление о чеканке новой серебряной монеты получило в Государственном совете окончательное разрешение в течение Великого поста» [15]. Поэтому на заседании Государственного совета 22 февраля 1860 г. его члены единогласно одобрили выпуск нового разменного серебра с понижением ценности монет почти на 15% – т. е. с некоторым «запасом» против фактического курса кредитного рубля (за него в 1860 г. давали 90 серебряных копеек). Когда императору представили материалы обсуждений, то против заключения 35 членов Государственного совета Александр II 2 марта 1860 г. написал «и я» [16].

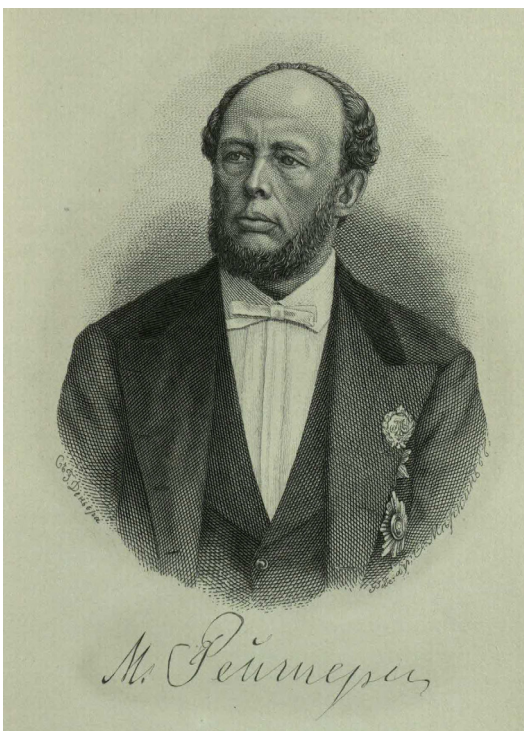
В законопроекте прием новой монеты в платежи (включая и «возрожденный» номинал 15 копеек) ограничили тремя рублями. Это ограничение, правда, не распространялось на уездные казначейства и, по-видимому, существовало лишь на бумаге.

Проект указа и рисунки монет были одобрены на заседаниях Департамента экономии Государственного совета 19 и 21 марта 1860 г. Документ был представлен царю того же 21 марта и был им подписан на следующий день (22 марта 1860 г.). Указ Правительствующему сенату «О новой разменной» монете [17, с. 275–276], состоявший из трех пунктов, стал вехой в истории российской серебряной разменной монеты, шагом к превращению ее в неполноценный денежный знак.

На первых партиях новых монет отчеканен 1859 г., хотя понятно, что до указа она не могла быть запущена в обращение. Формально первые шесть миллионов рублей новой монеты были отчеканены на основании уже упомянутого мартовского указа. Известно, что в 1860 г. на Петербургском монетном дворе еще чеканили монету как прежнего, так и нового образца [18, с. 42]. По расчету Княжевича, чеканка новой монеты обходилась казне в сумму, равную 10% от ее факти-

ческой (серебряной) ценности. Это, по мнению министра, делало невыгодной ее подделку.

Управляющий делами Комитета финансов Михаил Христофорович Рейтерн (в 1862 г. ставший преемником Княжевича по должности) считал введение новой разменной монеты мерой крайне необходимой. «При общем удешевлении золота в сравнении с серебром и при упадке вексельного курса внутреннее достоинство нашей серебряной монеты оказалось до того превышающим ее цену, что монета эта не могла удержаться в государстве, — докладывал он в Совете государственных кредитных установлений. Ныне дальнейшего вывоза разменной монеты ожидать нельзя. Но при обширности империи пройдет еще немало времени, пока потребность в мелкой монете окажется повсеместно удовлетворенной» [19, с. 151].

Михаил Христофорович Рейтерн.
Гравюра Ф. А. Меркина по фотографии Г. Деньера.
1887 г.

Серебро для чеканки новой разменной монеты было закуплено за границей. Для этой цели в марте 1859 г. через банкирский дом «И. Томпсон, Т. Бонар и К^о» и берлинского банкира Мартина Магнуса был заключен 3%-й заем на 12 млн фунтов стерлингов. Он был реализован в основном на лондонском рынке и обошелся российскому правительству очень дорого. Министерство финансов было вынуждено уступить банкирам-посредникам до 33 и даже 37% от суммы номинала облигаций (такие высокие потери были вызваны общим понижением в это время курсов ценных бумаг на всех европейских биржах) [20, с. 22; 21, с. 91].

В сделке участвовал Людвиг Капгер, владделец известной банкирской фирмы в Санкт-Петербурге, который за свои услуги получил разрешение обменивать ее всем желающим на кредитные билеты. Операция была открыта в августе 1860 г. Официально процен-

ты за обмен не взимались. Но следует иметь в виду, что банкир получил монету из казначейства не по нарицательной, а по действительной стоимости, и вся разница шла в его пользу. Говорили, что Капгеру отдали в распоряжение 5 млн руб. новой монетой, а его чистая прибыль со сделок составляла 7,5% [22, с. 143]. В этой сделке, по слухам в прессе, участвовали и Ротшильды, что неудивительно, поскольку банкир был агентом парижского дома этого влиятельного клана финансистов.

В 1861 г. министр финансов получил право отчеканить новой разменной монеты еще на 6 млн рублей. Судя по сохранившемуся докладу министра финансов царю (1862 г.), серебро отпускалось на Санкт-Петербургский монетный двор из запасов Государственного банка рублевой монетой [23].

В том же 1861 г. 10, 15 и 20-копеечники по заказу российского правительства чеканили во Франции, на Парижском и Страсбургском монетном дворах (всего их было доставлено в Россию на 9,1 млн руб.). Это стало возможным благодаря сделке с Банком Франции, когда за полтора миллиона золотых полуимпериалов российской чеканки (из запасного фонда государственных кредитных билетов) было куплено французского серебра почти на 31,1 млн франков [24].

Российская серебряная разменная монета
20 копеек, отчеканенная во Франции в 1861 г.
Из Музейно-экспозиционного фонда Банка России

Поскольку заем 1859 г. оказался неудачным, а часть полученных средств ушла на покрытие отрицательного сальдо торгового баланса, расходов русских путешественников за границей и на выплаты вкладчикам казенных банков, было принято решение заключить новый заем «для подкрепления разменного фонда» (в 1860 г.)¹. Он прочно увязывался с предстоящей операцией возобновления свободного размена кредитных билетов, начатого в мае 1862 года.

Эта операция должна была стать дебютом для нового министра финансов Михаила Христофоровича Рейтерна. Однако ее провал наряду с предпринятой в 1866 г. неудачной попыткой поддержания курса российского рубля² за границей обернулись еще большим падением кредитного рубля и провоцировали вывоз новой монеты (ее к тому времени было отчеканено на 37 млн руб.) [25, с. 223], при том, что новое разменное серебро запрещалось вывозить за рубеж.

¹ Заем был заключен на основании царского указа от 27 мая 1860 г. на 8 млн фунтов стерлингов с банкирскими домами «Беринг и К^о» и «Гоппе и К^о». Он был реализован в Лондоне и Амстердаме.

² Если в 1860 г. падение ценности кредитного рубля составило около 10%, то в 1866 г. — 33,5%.

Прибыль спекулянтов по этой операции доходила почти до 10%, даже несмотря на значительную премию, которую выплачивали собирателям разменной монеты (до 5 и более процентов) [3, с. III].

Несмотря на провал свободного размена, монетарные власти были полны решимости насытить денежное обращение разменным серебром. 20 марта 1864 г. было получено разрешение царя об отпуске на Санкт-Петербургский монетный двор 4213 пудов 13 фунтов серебра¹ из разменного фонда кредитных билетов – «авансом, с тем, чтобы по книгам и балансам Государственного банка считать отпущенное серебро находящимся на монетном дворе, но принадлежащим разменному фонду» [26]. Взамен серебра в банк должна была отпущаться разменная серебряная монета.

В следующем, 1865 г. за границей на нужды чеканки разменной монеты император разрешил закупить 2500 пудов серебра – за счет средств, полученных от 5%-го англо-голландского займа 1860 г. Но поскольку это серебро могло быть доставлено в Россию лишь с открытием навигации, для безостановочной работы Монетного двора из разменного фонда Государственного банка было отпущено 500 тысяч серебряной рублевой монеты старого чекана (638 пудов²). К июню 1866 г. большая часть купленного за границей серебра уже была приведена в 750-ю пробу. Кроме того, с уральских, алтайских и нерчинских заводов ожидалось поступления до 1095 пудов³ серебра.

Однако усиленная чеканка новой разменной монеты (по 6 млн руб. в год) не насытила рынок. В провинции отделения Государственного банка неохотно выдавали новую разменную серебряную монету, опасаясь, что вскоре она может быть потребована обратно в банк. Известно, что Вологодское отделение отказывало публике даже в выдаче мелкой 10-копеечной монеты, ссылаясь на ее незначительное поступление в кассу [27].

В стране царил безденежье, которое, по мнению корреспондента газеты «Акционер», «до того усилилось, что мы хватаемся за всякое известие, которое сколько-нибудь сулит оживить наш денежный рынок» [28, с. 82]. За неудачную попытку поддержать рубль барон Александр Людвигович Штиглиц был уволен (как следовало из официальной формулировки, «по домашним обстоятельствам») с поста управляющего Государственным банком 2 декабря 1866 г., а банкир Капгер в том же году ликвидировал свою фирму. Хорошо знавший деловой мир российских немцев Андреас Ценкер наивно писал о том, что не знал, как Капгер заработал деньги, прежде чем вернулся обратно в Дрезден [29, S. 36].

В январе 1867 г. Рейтерн обратился к царю с инициативой рассмотрения вопроса о выпуске новой разменной монеты и 20 января получил согласие царя на его обсуждение в Государственном совете. Первого февраля того же года доклад министра был направлен государственному секретарю Сергею Николаевичу Урусову, который должен был препроводить его в Государственный совет.

Доклад начинался с болезненной темы исчезновения из оборота мелкой серебряной монеты. «Затруднения сии так велики, – писал Рейтерн, – что в некоторых городах народ с охотой принимает взамен мелких денег бумажные и другие марки, пущенные в обращение частными лицами» [30]. Такие эрзац-деньги выпускали и городские управления, и банкирские конторы [3, с. III]. При этом новая серебряная мелкая монета продолжала перерабатываться в изделия или вывозиться – так же, как и разменное серебро, отчеканенное до 1860 г. В этой связи Рейтерн предлагал еще более понизить пробу.

По мнению членов Государственного совета, «понижение внутреннего достоинства разменной монеты может быть сделано или уменьшением веса серебряной разменной монеты, то есть 20, 15, 10 и 5-копеечников, не изменяя пробы, или, напротив, изменив пробу и уменьшив в то же время в известной пропорции количество чистого серебра в мелкой монете» [31]. Но в первом случае монета приняла бы слишком малые размеры, и высокие чиновники сочли приемлемым другой вариант, предложенный министром, – понижение пробы. Это «должно быть сделано в такой степени, чтобы, с одной стороны, не было выгоды променивать или точнее, покупать разменную монету на кредитные билеты для переплавки в изделия или для вывоза ее за границу, с другой стороны – чтобы значительным понижением внутренней стоимости против нарицательной цены монеты не подать повода к подделке оной» [32].

Поскольку падение курса кредитного рубля в 1866 г. составило почти 33,5% [33], понятно, что новое понижение пробы должно было быть значительным, так как в России разменная серебряная монета прочно увязывалась с бумажными деньгами. Кроме того, при таком курсе даже новая разменная мелочь выходила в производстве до 15% дороже номинала (включая расходы по чеканке (3,5% от номинала), комиссионные расходы по доставке белого металла из-за границы (до 1%), не говоря уже о потерях от изменения «вексельного», или биржевого, курса рубля).

Новая мелочь должна была носить характер «условной монеты, внутреннее достоинство коей по отношению к номинальной цене ее было бы вне влияния курса кредитных билетов» [34]. Члены специально образованной комиссии по этому вопросу сочли, что этого можно было добиться двумя способами: либо допустив «смешанную систему» разменных денег из биллона, платины и бумажных знаков, либо выделять разменную монету «из металлического сплава с примесью серебра» [34].

Большинство членов комиссии сошлись во мнении, что малоценный биллон не представляет интереса для контрабандистов и, будучи в обращении, ликвидировал бы недостаток в разменной мелочи. Напротив, введение 50-копеечных бумажных денежных билетов могло еще более уронить курс кредитного рубля: «Всякое нововведение в системе кредитных билетов крайне опасно и не должно бы быть предпринимаемо, когда без сего еще можно обойтись» [35].

Неудивительно, что идея 50-копеечных денежных билетов, подобных небольшим по размерам купюрам

¹ 69 т и 14 кг.

² 10,45 т.

³ 17,94 т.

печально известной североамериканской «фракционной валюты» (*fractional currency*)¹, была отклонена членами комиссии. Также чиновники не признали возможным возобновить чеканку платиновой монеты («дороговизна и тяжесть платины делают ее недоступной для приготовления из оной разменной монеты»). Платиновые полтинники по расчетам выходили в диаметре и по толщине не больше серебряного пятак. Более того, платиновая монета не выпускалась ни в одной европейской стране, и выпуск таких полтин мог бы, как сказано в докладе министра, «затруднить нас» [36]. Ведь на полтину смотрели в какой-то мере как на русский вариант серебряного двухфранковика.

Что касается понижения пробы, то сначала чиновники рассматривали возможность чеканки новой мелочи в 719-й пробе (69-й золотниковой), однако Рейтерн настоял на 500-й пробе (48-й золотниковой), так как, по его мнению, разменная монета «не служит мерилом ценностей и не принимается в основание денежных контрактов, а употребляется только в виде приплат и для мелочных расчетов» [37]. Это было понижение, которое учитывало возможную дальнейшую инфляцию кредитного рубля в значительном масштабе – до половины номинальной стоимости. К тому же 500-я проба составляла ровную часть пробирного фунта, что было удобно в монетной чеканке.

В записке государственному секретарю Рейтерн, присоединяясь к мнению членов комиссии, предлагал оставить без изменения вес и пробу крупных российских серебряных монет (25 коп., полтина и рубль), а новую разменную серебряную монету чеканить «с бороздчатым гуртом», чтобы отличать ее от прежней.

Комиссия также рассматривала вопрос о медной разменной монете. Прозвучало предложение выделывать ее из никеля, как в Бельгии и США, однако это потребовало бы больших закупок сырья за границей, так как в России в то время было известно только одно месторождение этого металла – в районе демидовских Ревдинских заводов (Пермская губерния). Несмотря на то, что свои услуги по чеканке партий никелевых монет предлагал Брюссельский монетный двор (известны отчеканенные им пробные никелевые монеты в 2 и 10 копеек, датированные 1863 г. [18, с. 153]), это вводило бы империю в еще большие затраты. Поэтому выбор был сделан в пользу традиционной русской чеканки из чистой меди.

Для удобства были уменьшены диаметры номиналов. Новые пятикопеечные монеты по кружку напоминали прежние три копейки. Соответственно были уменьшены диаметры других номиналов медных монет. При этом «продолжить чеканить пять копеек по-прежнему из низкопробного серебра, а также из меди комиссия считает бесполезным» [38].

Монету Рейтерн предлагал чеканить по 50-рублевой монетной стопе², что означало облегчение ее веса более чем в полтора раза по сравнению с прежней

нормой (32-рублевой монетной стопой, принятой в 1849 г.). Это, в свою очередь, создавало для государства, как писал министр, «большой барыш» [39], но, с другой стороны, было соблазном для фальшивомонетчиков. Для затруднения подделки новой монеты было необходимо, по его мнению, составить «новые, более красивые рисунки, приняв кроме других улучшений для надписи на монете два рода букв: выпуклые и вдавленные» [40].

Будучи креатурой великого князя Константина Николаевича, с 1865 г. состоявшего председателем Государственного совета, Рейтерн планировал провести новый закон без проволочек. 16 февраля он писал великому князю: «Не изволите ли, Ваше Высочество, признать возможные дела решить представлением о разменной монете, спешность которого обеспечивается следующими соображениями:

1) каждая неделя промедления приносит от 30 тыс. до 40 тыс. руб. убытка,

2) запас монеты 72-й пробы истощается, а изготовление ее приостановлено, так что может случиться, что несколько времени вовсе не будет монеты» [41].

28 февраля 1867 г. в Департамент экономии были представлены три образца новой монеты, а 6 марта там же было заслушано дело о выпуске ее в обращение. Государственный совет одобрил предложенные Рейтерном меры, но представленный проект указа был разделен на два законопроекта: один относился к серебряной разменной монете, а другой – к медной.

Законопроекты были представлены Александру II 6 марта вместе с заключением Государственного совета, которое и было утверждено в Санкт-Петербурге 21 марта 1867 г. Тогда же царь подписал два указа о выпуске новой монеты [42, с. 291–292; 43, с. 292]. С конца марта до июля этого года ее было изготовлено более чем на 1,5 млн руб., а в августе ее планировали выбить еще на 700 тыс. руб. К тому времени в Государственный банк была доставлена первая партия такой монеты (в общей сумме на 120 тыс. руб.) [44]. Рейтерн сетовал на нехватку серебра, и 30 июля 1867 г. Александр II разрешил закупать серебро за границей.

Благодаря начавшемуся со второй половины 1867 г. приему Государственным банком звонкой монеты в обмен на кредитные билеты курс бумажного рубля стал расти, а вывоз разменного серебра, уже не представлявшего интереса для спекулянтов, прекратился. С течением времени биллон стал распространенной разменной монетой. Он пережил и эпоху инфляции, и «золотой рубль». Последний выпуск царской серебряной разменной монеты датирован 1917 г.³ – последним в истории Российской империи. Ее чеканка была прекращена 4 августа, уже при Временном правительстве [45, с. 239]. Диаметры и проба 10,15 и 20-копеечников, чеканка которых была возобновлена в 1921 г., сохранялись в Советском государстве на протяжении 10 лет, до 1931 года.

¹ Фракционная валюта, представлявшая собой денежные билеты номиналами ниже 1 дол., выпускалась в США с 1863 года.

² Это означало, что 50 рублей медной монетой должны были в совокупности весить один пуд (16,38 кг).

³ В 1917 г. на Петроградском монетном дворе были выпущены 10, 15 и 20-копеечные монеты на общую сумму 35,38 млн рублей.

Список литературы

1. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 1 – 89.
2. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 1 – 63.
3. *Великий князь Георгий Михайлович*. Монеты царствования императора Александра II. СПб., 1888.
4. *Кауфман И. И.* Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. № 2.
5. *Степанов В. Л.* Состояние финансов после денежной реформы (1839 – 1843 гг.) // История денежного обращения России. Т. I. М., 2011.
6. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 26 об.
7. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 3 об. – 4.
8. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 4.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 24. № 17748.
10. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 6.
11. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 8 об.
12. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 9.
13. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 10 об.
14. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 29.
15. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 39.
16. РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 44. Л. 62.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 35. № 35586. СПб., 1862.
18. *Уздеников В. В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700 – 1917. М., 1995.
19. Акционер. 1860. 23 сентября (№ 38).
20. *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860 – 1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. М., 2006.
21. Российские ценные бумаги. Каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России. Т. 1. М., 2010.
22. Акционер. 1860. 2 сентября (№ 35).
23. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 270. Л. 149 – 151.
24. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 270. Л. 82 – 82 об.
25. *Кауфман И. И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910.
26. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 274. Л. 207 – 208.
27. РГИА. Ф. 587. Оп. 6. Д. 282. Л. 20 – 20 об.
28. Акционер. 1862. 17 марта (№ 11).
29. *Andreas Zenker.* Geschäftiges Russland. Erinnerungen eines Bankiers. St. Petersburg, 2004.
30. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 3 об. – 4.
31. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 5.
32. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 5 об. – 6.
33. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 8 об. – 9 об.
34. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 11 – 11 об.
35. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 14.
36. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 20 – 21.
37. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 23.
38. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 28 об.
39. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 30.
40. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 44 – 44 об.
41. РГИА. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 109. Л. 50 – 50 об.
42. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 42. СПб., 1871. № 44373.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 42. СПб., 1871. № 44374.
44. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 275. Л. 184.
45. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970.